

Ближе к сумеркам Лин Цинъюй попросил Инцзю поставить бамбуковое кресло во дворе, заварил чай и взял бухгалтерскую книгу, рассматривая ее и рисуя на бумаге.

"Ты уже целый день смотришь на этот счет, почему ты до сих пор не закончил его читать". Алан присмотрелся, держа в руках валик для приготовления лекарства. Прочитав несколько строк, он сказал: "Что ты помнишь? Небесную книгу?"

Там только арабские цифры. Лин Цинъюй посмотрела на Алана и продолжила вести расчеты. Она научила Хань Мянэ арабским цифрам. Это метод подсчета, используемый на морских судах. В Да Чжоу будут Цай Цзинфан и Чжэн Си. Преобразование было проведено, но дальше вниз оно не продвинулось. Таким образом, данные главной книги и бухгалтерской книги, которые они представили, были записаны арабскими цифрами. Даже если их получали другие, они не знали конкретного содержания.

Теперь, когда данных становится все больше и больше, Лин Цинъюй глубоко скучает по преимуществам компьютеров.

Время шло, вечернее солнце померкло, и свет померк. Линг Цинъюй спрятал бухгалтерскую книгу, откинулся на спинку стула и слегка прикрыл глаза.

Семья Линг стала очень большой организацией. С тех пор как она приняла решение перейти от элитных предметов роскоши к гражданским, магазин специй в серебряном здании остановился наполовину, но другие отрасли не ожидали такого расцвета. Конечно, эти и Хань Накопления и тяжелая работа Чжэн Си на протяжении стольких лет неотделимы от Цай Цзинфан. Чжэн Дун на протяжении многих лет занимался бизнесом в разных местах, покупая шелковичных червей и распущенный шелк, и накопил большое количество контактов, поэтому, как только она решит обратиться сюда, он будет там. Сразу видно, что поля, магазины, шахты, чайные горы, ткацкие мастерские, книжные лавки, красильные мастерские, мельницы, сахарные мастерские, а теперь и семья Линг, включая тех, кто ходит по улицам и переулкам, достигли 50 000 человек.

Если такое развитие событий продолжится, то прибыль составит не более шести миллионов таэлей. Если магазины специй и рестораны Инъюэ также будут работать свободно, то деловая линия продвинется до Цзинху Роуд и Гуаннань Роуд, или даже до всего района Дачжоу. ...Во всем районе Дачжоу рынки Ляо и Ся также хороши, и доходы рынка растут день ото дня. Заработать 10 миллионов с материка за год несложно. Просто под семьей Линга будет все больше и больше людей, и выживание стольких людей держится на лодке семьи Линга. Неважно, насколько бессильной и беспомощной, как раньше, будет власть, она не работает...

Глаза Линь Цинъюй резко открылись. Она вспомнила то, что всегда игнорировала. В момент своей смерти она покинула это тело. В этом пространстве она могла видеть тело предыдущего мира. Девушка оттолкнула ее. Что сказала девушка, когда толкнула ее? Что еще она сказала, кроме той фразы, которую она услышала?

"Цинъю Цинъю!" В его ушах раздался срочный зов, от которого Линг Цинъюй на мгновение испугался. Придя в себя, он увидел Ян Чжао, который с озабоченным лицом сидел на корточках рядом с креслом и звал ее.

"Что случилось?" ошеломленно спросил Линь Цинъюй.

Ян Чжао облегченно вздохнул и сказал: "Уже поздно, может, зайдем?".

Глядя на совершенно темное небо и огни во дворе, Линь Цинъюй сказал: "Внутри слишком жарко, давайте поедим снаружи".

"Хорошо." Ян Чжао встал и вернулся в комнату, чтобы сначала переодеться.

Когда он расстегивал веревочную пряжку на своих доспехах, рука Ян Чжао немного дрожала, вспомнив, что Линь Цинъюй внезапно сел только что, его глаза расширились, и он так застыл на месте, Ин Цзю и его зов не реагировали, в тот момент, казалось, что он был там. Сидение - это просто пустая оболочка.

Обеденный стол был установлен во дворе, вечерний ветерок медленно приносил нотки прохлады, Линь Цинъюй взял полный рот еды, все еще думая о пространстве в своем сознании, когда девушка толкнула ее назад, прозвучало слабое слово, прекрасно. Если подумать, может быть, то, что должно быть сделано, еще не закончено, что это? Ах, да, есть еще безответные обиды. Семейные обиды на девушку с этим телом. На самом деле, семья Линь - только первая. Есть еще семья Ву и семья Се, жена моего дяди, эти последние годы должны быть очень трудными, и пришло время навестить ее. Кроме того, есть еще и ненависть Янь Сана!

С треском раздалась пощечина, Линь Цинъюй вскрикнул от боли, поднял голову, чтобы посмотреть на убийцу Алана, и сказал: "Что ты делаешь!"

"О чем ты думала?" спросил Алан, разбудив ее пощечиной.

Линь Цинъюй обнаружила, что люди вокруг опустили свои дела и смотрят на нее с разными выражениями.

"Ничего страшного, просто вспомнила то, что нельзя забывать", - улыбнулась Линь Цинъюй, затем указала на стол и сказала: "Ешьте".

Видя, что все замерли, Линь Цинъюй сказала: "Да ничего особенного, просто вспомнил, что о моей ненависти еще не сообщили".

"Твоя ненависть? Какая ненависть?" спросил Алан, садясь обратно на свое место.

"Дела моей семьи - это долгая история. Я поговорю с тобой не спеша завтра, когда у меня будет время". Линь Цинъюй взял курицу и сказал: "Такую историю о собачьей крови лучше рассказывать во время послеобеденного сна".

Хотя Алан немного не поверила, но видя, что Линь Цинъюй действительно не хочет этого говорить, она перестала спрашивать: "Разве ты не говорил, что здесь есть хорошая тушеная рыба? Как насчет того, чтобы завтра поесть вместе?"

Линь Цинъюй указал на свою ногу и сказал: "Могу я выйти?".

"Просто купите кресло-седло, а лучше выходите и больше гуляйте". Алан посмотрел на свою ногу и сказал. Выйди погулять и расслабься, и не пугайся до смерти.

"Да, лотос сейчас должен цвести.

Пойдем к лотосу". Линь Цинъюй повернул голову к Ян Чжао и спросил: "Мы можем идти?".

Ян Чжао пошевелил губами, но не издал ни звука, просто кивнул.

"Не слишком уставай", - Ян Чжао посмотрел на солнце, не очень сухое, и снова склонил голову.

"Понял, иди вперед, здесь есть Алан, ничего не может случиться". Лин Цинъюй слегка подтолкнула его и улыбнулась.

"Я скоро вернусь". Ян Чжао обнял Лин Цинъюй и прижал поцелуй к ее уху, а Фанг встал и покинул кресло-седло, затем повернул свою лошадь и галопом усакал со своим охранником.

"Давай тоже поедем". Лин Цинъюй опустила шторку автомобиля и постучала по боку машины.

Это кресло-седан, которое Янь Чжао привел людей на ночлег. Крышку кресла-седана можно снять. После снятия она превращается в бамбуковый стул, на котором удобно сидеть Лин Цинъю.

На окраине уезда Дай есть небольшое озеро. Озеро полно лотосов. В это время между зелеными листьями озера много острых углов. Иногда встречаются цветы лотоса, которые уже распустились. Когда дует ветерок, он приносит легкий аромат. .

У озера растут плакучие ивы, затененные зелеными деревьями, а на одной стороне каменной платформы есть изогнутая веранда и восьмиугольный павильон.

Охранник отнес кресло-седло к восьмиугольному павильону. Здесь был самый лучший пейзаж, а в центре стоял каменный стол. Лин Цинъю и Алан были очень довольны и поспешили попросить Ин Цзю и охранника вынести чайный набор и закуски, которые они принесли.

Сделав глоток чая и вдохнув аромат лотоса, Алан удовлетворенно вздохнул.

Попивая чай, закусывая, любясь пейзажем, они болтали, и Лин Цинъюй рассказал Алану историю из своей жизни.

"Тебе действительно нелегко иметь глубокую ненависть". вздохнул Алан.

Линь Цинъюй улыбнулся и сказал: "Да". О недовольстве семьи Линь уже сообщалось.

Дядя, если бы не помощь дяди, они с матерью боялись, что не смогут даже выйти за ворота семьи Лин. К финансированию дядя сам по себе способностей не имеет, а вот его жена очень высокого пошиба жадна до богатства, да еще и неудачно вложилась. Оказалось, что фермерский магазин, купленный на деньги Линь Цзяшэня, тоже потерял семь или восемьдесят восемь. Лин Цинъюй не дал Чжэн Хай начать, просто наблюдая, как семья идет к вымиранию. Но семья Ву оказалась в центре внимания. Как Цинлю, но внимательно следя за шагами семьи Ван, Лин Цинъю так и не нашел возможности начать. Если вы хотите продвинуть такого человека, то без поддержки вам не обойтись. Янь Сань также упомянул, что он непосредственно Пойти и убить человека, но месть, которую она хочет, это не просто смерть. Чтобы убить ради денег и власти, нужно потерять все, за что они хотят отомстить. Более того, Янь Сань здесь больше нет.

"Хозяин нашел хорошее место". Хань Мянш вошел в восьмиугольный павильон с руками за спиной, улыбаясь.

Лин Цинъюй увидел, как Янь Ци медленно вошел за спиной Хань Мянша, посмотрел на него и сказал: "Тело Янь Ци еще нездорово, зачем тебе его выдавать?".

Хань Мянш быстро сказал: "Не ошибайся я глава дома, так сказал призрачный доктор, Цюе

лучше выйти и прогуляться".

Призрачный доктор уже выскочил из-за спины Янь Ци, потерялся перед Алан, лизнул для нее чашку чая и сказал: "У него болит сердце и легкие. Лучше подышать свежим воздухом".

Вокруг восьмиугольного павильона стояла красавица. Ин Цзю уже взяла подушку, положила ее на спинку и позволила Янь Ци сесть. Хань Янь тоже присел на край, посмотрел на озеро цвета лотоса и сказал: "Редко удастся украсть такую. Не презирай нас, если ты здесь главный".

"Кто сказал, что я вас недолюбливаю, раз это здесь, то это в самый раз, девять, у нас есть наши карты?" Линь Цинъюй поднял брови и сказал.

Лицо Призрачного Доктора внезапно стало горьким. Эта карта уже вытащила Алана на чистую воду в Медицинской долине, но у этих двух женщин не только схожие интересы. Проблема в том, что карты одинаковые. Пока они двое на столе, остальные двое - сущий ад!

"Это хорошо! Это хорошо!" Алан поставил чашку с чаем и радостно сказал. С тех пор, как с Лин Цинъюй произошел несчастный случай, она не притрагивалась к этой вкусной вещи уже несколько дней.

Охранники медленно, шаг за шагом расширяли зону обороны, и наконец они оказались в десяти метрах от восьмиугольного павильона. Ну, если ты будешь смеяться здесь, тебя не поймают.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2529736>